1862 г., в ноябре 1870 г. не мог получить чин действительного тайного советника (с. 165). В действительности он стал рязанским губернатором в чине действительного статского советника, в который был произведен 19 ноября 1871 г.¹ Практически во всех очерках авторы подробно перечисляют награды, которых были удостоены их персонажи. Однако в отношении С.В. Перфильева, который изображен на двух портретах с орденом Святого Георгия IV степени, последняя награда не указана (с. 122–123). Очерк о губернаторе Д.С. Крылове, который был уволен после выявления расхождений содержащихся в его всеподданнейших отчетах сведений с реальным положением дел на местах, создает несколько неверное представление о роли этого инструмента делопроизводственного контроля (с. 135). Авторам следовало бы подчеркнуть, что если отставка Крылова была связана с проверкой достоверности его губернаторского отчета, то такая реакция центральных властей была скорее исключением, чем нормой. Формально законодательство не предусматривало ответственности губернатора за неправильную подачу данных в годовом отчете, хотя по «На-

казу» губернаторам 1837 г. он мог быть привлечен к ответственности, в случае если будет уличен «в допущении важных в губернии беспорядков и злоупотреблении»².

Однако эти недостатки вовсе не снижают общего положительного впечатления о работе, представляющей собой важный вклад в изучение самодержавной и советской моделей управления. Пример объединения в одном исследовании разноплановых по хронологии и институциональной организации объектов изучения является хорошим примером написания аналогичных работ для других регионов.

А.С. Минаков,
кандидат исторических наук
(Орловский государственный университет)

Примечания

¹ Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 14.

² ПСЗ-П. Т. 12. Отд. I. № 10 303. § 324.

В. Дённингхаус. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. Саратов: Наука, 2008. 248 с.*

Монография немецкого историка В. Дённингхауса, вышедшая в Германии, а позднее переизданная на русском языке в Саратове, представляет собой солидный научный труд, посвященный жизни и деятельности немцев Поволжья в первые полтора с небольшим десятилетия XX в. К началу века по обоим берегам Волги в Саратовской и Самарской губ. располагалось более 200 немецких колоний, население которых превышало 400 тыс. человек. За полтора века их существования колонисты упорным трудом способствовали подъему экономики региона, быстрому росту торговых и промышленных центров Юго-Востока России (Самара, Саратов, Царицын, Камышин, Покровск и др.). Рассматриваемый период в истории немцев Поволжья затрагивался и в работах других российских и зарубежных авторов. Однако их работы, как правило, касались лишь отдельных аспектов жизни немецкого населения: земского самоуправления, культурно-образовательной политики, демографии, религиозных отношений и т.д. Особо необходимо выделить работу американского

историка Дж. Лонга «От привилегированных до лишенных собственности. Поволжские немцы, 1860–1917 гг.» (*Long J.W. From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans, 1860–1917. Lincoln, 1988*), где предпринята попытка комплексного исследования истории поволжских немцев в пореформенный период вплоть до Февральской революции 1917 г. К сожалению, автору были недоступны источники из советских архивов, что не могло не повлиять на объективность его выводов. Книга же Дённингхауса базируется на многочисленных и разнообразных архивных источниках из Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Саратовской области и Государственного исторического архива немцев Поволжья в г. Энгельсе. Автор также активно использовал коллекции местных музеев, периодическую печать, источники личного происхождения. В монографии сделана попытка проанализировать политику российского правительства по отношению к поволжским нем-

* *Victor Dönninghaus. Revolution, Reform und Krieg: die Deutschen an der Wolga im ausgehenden Zarenreich / Veröffentlichungen zur Kultur und Geschichte im östlichen Europa. Band. 23. Essen: 1. Aufl., Klartext, 2002. 320 S.*

цам в 1901–1917 гг., социально-экономические условия и повседневную жизнь бывших колонистов с их нетрадиционным для других групп российских немцев общинным землевладением. С одной стороны, в книге предпринята попытка комплексного изучения истории поволжских немцев как отдельной национальной группы, с другой – речь идет об исследовании специфической группы российского крестьянства, с их традиционным жизненным и экономическим укладом, на фоне кардинальных политических изменений в государстве.

В первой главе представлены основные историко-демографические и экономические данные о населении Саратовской и Самарской губ. на рубеже XIX–XX вв. Автор развивает стереотипы о процветании немецких сел Поволжья. Их относительное благополучие было достаточно зыбким и уж точно складывалось не за счет «эксплуатации» соседних русских деревень, как это утверждали некоторые урапатриоты в период Первой мировой войны. Тесные рамки сельской общины не выдерживали демографического роста. Если в середине XIX в., согласно IX ревизии, на правом берегу Волги проживали около 95 тыс. колонистов, то по переписи 1897 г. их численность достигала уже 163,7 тыс. человек. Аграрное перенаселение, проявлявшее себя в немецких колониях уже с середины XIX в., к началу XX в. стало важнейшим фактором, влиявшим на социально-экономическое развитие не только регионов компактного проживания российских немцев, но и всего Нижнего Поволжья. Развитие товарно-денежных отношений, появление безработицы, рост отходничества и появление новых регионов переселения привели не только к коренной ломке психологии поселенцев, но и всего их патриархального жизненного уклада.

Вторая глава посвящена социально-экономическим и культурным аспектам жизни поволжских немцев в период революционных потрясений 1905–1906 гг., их политической ориентации и отношению к «конституционной монархии». Автор приходит к выводу, что немецкое население Поволжья, несмотря на недовольство своим экономическим и социальным положением, фактически не принимало участия в аграрном движении, вылившемся в ряде уездов и волостей в кровавые столкновения крестьян с правительственными войсками. Настроения поволжских немцев, как правило, были близки к государственным крестьянами, проживавшими по соседству, и резко расходились с революционными настроениями бывших помещичьих крестьян. В основе такого социального поведения, по мнению автора, лежали как традиционная лояльность власти,

так и опасения мести со стороны националистически настроенных кругов. «Немецкие поселенцы просто не могли позволить себе роскоши открыто выступить против режима, – пишет Дённингхаус, – даже несмотря на их скрытое недовольство, что несомненно дало бы дополнительный импульс российским национал-патриотам при обвинении российских немцев в нелояльности режиму и предательстве приютившей их “матушке” России, что и без того достаточно сильно муслировалось в националистических изданиях». Вместе с тем, отмечает автор, революция открыла пути к активной агитации крестьян различными партиями и движениями, затронувшей и немецкое население. Росту «политической сознательности» общества способствовало и то, что свободная, безцензурная немецкоязычная пресса представляла совершенно различные мнения. Молодежь и малоимущие слои впервые заявили о своих политических взглядах в различных формах – от протеста против уплаты налогов до изгнания «русских» учителей из немецких школ. События 1905 г. привели к «политизации» учителей в немецких колониях, выдвинув их на передний край борьбы за переустройство общества. Именно в их среде появлялись будущие «социалисты» (меньшевики, большевики, эсеры и др.).

Дённингхаус формулирует вывод о том, что большинство поволжских немцев в противовес их прибалтийским и причерноморским собратьям стали на сторону либерального освободительного движения. В то же время революция 1905 г. оказалась и большим разочарованием для колонистов, так как все их попытки добиться самоуправления были отклонены. Невыполнение обещанных реформ, а также репрессии российских властей по отношению к немецкому населению в период Первой мировой войны, отразились и на поведении поволжских немцев после Февральской революции 1917 г., когда они выступили с требованием отмены дискриминационных мер и беспрепятственного национально-культурного развития немецкой общности.

В третьей главе раскрывается жизнь немецкого населения в период проведения Столыпинской аграрной реформы. Автор показывает, что эта реформа и сопровождавший ее процесс покупки-продажи земли в немецких колониях, несли угрозу существованию не только общины, но и самой этнической целостности немецких поселений. Мысль, что в колонию могли вторгнуться «чужие», деформируя социально-этнические устои сложившегося общества, вынуждала часть поселенцев не только занять выжидательную позицию, но и выступить против подобного вторжения.

Так, например, в немецком селении Сплавнуха перешедшие в личное пользование наделы общей площадью в 1 тыс. десятин были сразу же скуплены русскими крестьянами из села Мордово. Однако вскоре крестьяне были вынуждены обратиться к губернским властям с просьбой о выделении им в каком-либо другом месте участка аналогичных размеров, так как, по их словам, немцы-поселяне совершенно не допускали их пользоваться купленной землей.

В целом же автор делает интересный вывод о весьма слабом противодействии немецких поселян проведению аграрных преобразований, особенно на фоне раскола деревни на 2 враждебных лагеря в соседних, русскоязычных селениях. Особого водораздела, разделявшего отрубщиков (хуторян), с одной стороны и общинников – с другой, в большинстве немецких поселений Поволжского региона не наблюдалось. Анализируя общие итоги аграрной реформы в немецких поселениях саратовского Поволжья, автор выделяет ее специфические особенности: основная волна выхода поселян-собственников из общины пришлась на 1910–1914 гг., в то время как по губернии – на первые 3 года реформы; в целом из немецких общин вышло около 71% домохозяев (общегубернский показатель составил всего 27.9%); в немецких волостях приобрело массовый характер разращение целых селений на отруба, что совершенно не было характерно для крестьян других уездов; немецкие земледельцы лишились финансовой помощи Крестьянского поземельного банка. В то же время переход поселян к наследственному землевладению не привел к коренному изменению их экономического положения. Одним из подтверждений слабой эффективности аграрных реформ в немецких волостях стал постоянный отток эмигрантов в Америку, причем из уже разращенных на отруба селений.

В четвертой главе выявлены характерные черты и особенности эмиграционного движения в Поволжском регионе. Наряду с анализом основных причин выезда жителей за рубеж дана характеристика количественного, национального и социального состава эмигрантов. Автор отмечает, что с началом XX в. масштабы оттока населения из России продолжали нарастать. Так, за период с 1897 г. по 1917 г. в страны Нового Света эмигрировали почти 3 млн российских граждан, из которых 86.2% осели непосредственно в США. Доля российских немцев в этом потоке составляла 5.6%. Эмиграция немцев из Поволжья началась еще с первой половины 1870-х гг. после ликвидации особого колониетского статуса и введения всеобщей воинской повинности. И все же в основе процесса, по мнению авто-

ра, лежали прежде всего экономические причины. В частности, он рассматривает 2 миграционные альтернативы – Америку и Сибирь. В отличие от переселения в Сибирь, связанного с коренной ломкой устоявшегося быта и обязательным переездом всей семьи, «временный» выезд в Америку был под силу даже одному из ее членов. Однако большая часть выехавшего на «быстрые» заработки населения, обратно, в свои родные селения, так и не вернулась.

Большой интерес вызывает параграф, показывающий влияние миграционной активности немцев на соседнее русское население. Так, эмиграция из пограничных с немцами русских сел в Камышинском уезде была в несколько раз выше, чем из русских сел других уездов Саратовской губ. Автор представляет весьма широкую географию расселения поволжских немцев-эмигрантов: США, Канада, Бразилия, Аргентина, Уругвай, Парагвай, другие страны Латинской Америки и даже Африки. Слабое развитие получила эмиграция в Германию, что, наряду с сильной ностальгией выехавших за рубеж немцев-волжан по Поволжью, говорит о практически полном разрушении у них к началу XX в. духовной связи с родиной предков.

В пятой, заключительной, главе рассматриваются различные аспекты «антинемецкой кампании» в годы Первой мировой войны. Особое внимание уделено здесь политике центральных и губернских властей по отношению к «внутренним немцам», дана характеристика отношения немецкой деревни к начавшейся войне, в которой главным противником выступала их историческая Родина – Германия. Немцы Поволжья в условиях войны стали обычными заложниками политической ситуации. Война лишь обнажила давно подспудно проводившуюся работу по созданию негативного общественного мнения в отношении российских немцев, обвиненных в «мирном завоевании» России и пособничестве ее врагам. Как пишет автор, вопрос о лояльности немецких поселян был решен в Центре весьма однозначно – лояльность отождествлялась с полной ликвидацией этнокультурной самобытности и ассимиляцией с русским народом, приняв форму прямого запрещения всех национальных особенностей развития этноса (употребление родного языка, закрытие школ, печатных изданий, организаций). Однако, по мнению автора, в Поволжье этот процесс шел медленней и с трудом, поскольку за 150 лет немцы успели стать «своими», неотъемлемой частью общего интернационального социума Поволжья. Лишь принятое в 1915–1916 гг. антинемецкое законодательство и настойчивость

властей стали причиной постепенного изменения отношения к немцам как к «чужим» и «внутреннему врагу». Этот негативный процесс был прерван Февральской революцией.

Работа В. Дённингхауса написана увлекательно, живым языком, доступным не только специалисту, но и простому читателю. Несом-

ненно, она вносит свой достойный вклад в развитие историографии поволжских немцев, региона и России в целом.

**А.А. Герман, доктор исторических наук
(Саратовский государственный
университет
им. Н.Г. Чернышевского)**

И.Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции: 1914–1918 гг. Рязань: Рязанский государственный университет, 2010. 400 с.

Монография И.Н. Гребенкина посвящена трансформации русского офицерства в 1914–1918 гг. В историографическом разделе присутствует взвешенный тон, и, что особенно ценно, автор огульно не отвергает работы советского периода, чем грешат многие современные публикации. При этом в дальнейшем он не раз убедительно критикует откровенно ошибочные и ангажированные взгляды даже самых последних изданий. Вместе с тем необходимо было бы привлечь ряд фундаментальных концептуальных исследований, прежде всего работы В.П. Булдакова¹, который уделяет пристальное внимание социально-психологическому состоянию армии накануне революции и позиции военных в ходе ее.

Верна и перспективна исходная позиция автора, что «исследование социального облика офицерства не может сводиться лишь к анализу его сословного происхождения» (с. 22). Очень тонко подмечены корпоративные представления кадровых офицеров о военной службе как об образе жизни и поведении, но не как о профессиональном труде, – что и «обусловило весьма скромный уровень их подготовки» (с. 34, 42). Весьма существенно акцентирование Гребенкиным противоречий внутри офицерской среды, возникших отнюдь не в ходе революции (как утверждали эмигрантские авторы), а задолго не только до нее, но и до Первой мировой войны (с. 36–40). Главным противоречием в политических взглядах офицерства было сочетание неприятия революции как враждебной государственности и армии – и разочарование в слабой и непоследовательной императорской власти (с. 48, 57). Впрочем, последний сюжет носит в монографии справочно-информационный характер и базируется на предшествующих публикациях.

Большое внимание уделяет Гребенкин исследованию профессионального облика и социально-политических настроений офицеров военного времени – от высшего генералитета до прапорщиков. Автор серьезно корректирует данные С.В. Волкова о «тотальных» потерях

кадрового офицерства в первый год войны, ибо их удельный вес в действительности следует выводить с учетом поступивших за этот период пополнений. Впервые прозвучала двойственная оценка прапорщиков как основной составляющей офицерства – сочетание низкого уровня военной подготовки с гораздо более высоким общекультурным уровнем, что означало «смену крови» (с. 70–77) самого массового звена офицерства и повышало его активность. Совершенно особой группой были прапорщики из нижних чинов, с получением офицерских погон максимально отчуждавшиеся от солдат. Вместе с тем автор доказательно утверждает, что снижение боеспособности и начало разложения армии, которые принято связывать с послефевральскими событиями, нарастали в течение всей войны (с. 92–97). Причинами были неспособность начальства ужесточить дисциплину в силу корпоративной солидарности и попустительства и снижение ответственности подчиненных (с. 90). Кстати, эти процессы были характерны и для Белых армий. Следовало бы добавить к этим факторам и роль прапорщиков из интеллигенции, морально чуждых армейским устоям, либеральных к солдатам и политически активных.

Чрезвычайно важен вывод автора о том, что в данных условиях офицерство было прагматически заинтересовано в благополучии армии, и именно поэтому «военная верхушка готова была примкнуть к любой политической группировке, обещавшей установить сильную власть» (с. 87, 133). Отсюда совсем недалеко как до идеи государственного переворота ради хунты, так и до сотрудничества с большевистским режимом, который сохранял для кадровых офицеров высокие должности, а офицерам военного времени сулил продолжение статусной военной карьеры с небывалыми перспективами. Совершенно верно автор подчеркивает полный раскол офицерства, когда на фоне усталого от войны и политических перипетий большинства выделились 2 противоборствующих фланга (с. 202). Думается, что